УДК 130.2+ 141.72

ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

канд. филос. наук, доц. О. И. ЧЕСНОКОВА
(Витебский государственный технологический университет)

Выполнен анализ различных форм женской идентичности в современной культуре. Главным предметом анализа на рубеже веков становится множественность этого феномена. По этой проблеме существуют противоположные позиции, которые оформляются в несколько подходов: феминистский, гендерный, биологизаторский, символический и др. Феминистская позиция предполагает пересмотр традиционных культурных концепций о женственности и поиск ее альтернативной культурной идентичности. В гендерных исследованиях разрабатывается вопрос об открытии подлинно «женского» в женщине, о появлении не сконструированной маскулинным обществом женственности, которая способна изменить конфигурацию человеческого существования.

Идентичность - самоотождествление, самопонимание человека. Женская идентичность - самопонимание женщиной своей женственности. Что же такое женственность? «Женщина вправе сегодня ставить вопросительный знак везде, где речь идет о женственности как о чем-то вечном, от природы идущем» [1, с. 102 -- 105] - так начала свое выступление на одной из гендерных конференций Наталия Хозяева, культуролог, президент 00 «Сотрудничество деловых и творческих женщин» города Минска. Сегодня, как и вчера, в отечественной культуре, по ее мнению, господствует сущностный, эссенциальный (от лат. essentia - сущность) подход к женскому вопросу. Пересмотр таких устойчивых культурных концепций о женственности, равно как и поиск ее альтернативной культурной идентичности, воспринимается далеко не однозначно не только в академической среде, но и в среде гендерных исследователей. Некоторые называют этот пересмотр чуть ли не преступлением против женской природы. Однако в русле гендерных исследований осуществляются поиски Другого как равного, но фундаментально отличного субъекта познания и деятельности. Эти исследования идут сегодня в русле феминистского и постфеминистского дискурсов как на Западе, так и на постсоветском пространстве

В рамках нового феминизма субъект понимается как нечто, не сводимое ни к структуре, ни к функции, а скорее как что-то фрагментированное. Общее настроение философии постмодернизма совпадает с идеями феминизма конца XX века - задача состоит в том, чтобы мыслить «различное». Женские опыты различаются в разных культурах и социальных группах. В дополнение к этому в каждом обществе присутствуют несколько гендерных контрактов, и один из них является господствующим. В данной связи возникает представление, что современной женщине, чтобы самоидептифицироваться, необходимо деконструировать (разрушить) образ самой себя, созданный господствующей маскулинной культурой. «И поскольку речь идет о *постоянно* разворачивающейся самоидентификации, можно говорить о бесперспективности реконструирования «аутентичной» (онтологической, всегда равной себе, истинной) женственности в исторической перспективе» [1, с, 103]. Подобные идеи не новы, они обнаруживаются во многих современных западных феминистских теориях, например, в концепции французской радикальной (гей-лесбийской) феминистски Моники Виттиг. В своих произведениях она обсуждает теоретические, психологические и политические проблемы, встающие перед «необычными» людьми, и радикально интерпретирует марксистскую методологию, вводя понятие «половой класс)). Она пишет о господствующем патриархальном, гетеросексуальном контракте, существующем на современном Западе. Категория пола - «гетеросексуализирует» половину человечества. «Создание женщины подобно созданию евнухов, разведению рабов или животных» *[2,* с. 23]. Женщинам навязываются жесткие обязательства по воспроизводству «вида» (рождение, воспитание детей и домашние обязанности), другими словами, обязательства по воспроизводству гетеросексуального общества.

В эссе ((Женщиной не рождаются» М. Виттиг предпринимает попытку развести понятия «женщина» и «женщины», первое, по ее мнению, не существует - это фантом, эссенциалистский концепт; второе, наоборот, полезно для практики женского освободительного движения. Лесбийское сообщество разрушает идею о том, что женщина - это «естественная группа». Женщины - это, по определению французской исследовательницы, особая расовая группа, воспринимаемая как естественная, группа людей, рассматриваемых как материально определенных своим телесным устройством. «Матриархат не менее гетеросексуален, чем патриархат: меняется только пол угнетателя» [3, с. 27]. По мысли М. Виттиг, вера в материнское право и в доисторический матриархат, когда женщины творили цивилизацию (в силу био-

логической предрасположенности), в то время как грубые мужчины охотились, симметрична биологизирующей интерпретации истории. Это тот же метод поиска биологических объяснений разделения полов. Она критикует распространившееся среди феминисток и даже среди лесбиянок стремление к большей «фемининности» (женственности). Признание существования природного различия между мужчинами и женщинами натурализует историю, утверждает она. Следствием этого становится натурализация социального феномена, допущение того, что «мужчины» и «женщины» существовали всегда и будут всегда существовать. Это, по ее мысли, делает невозможным революционное изменение ситуации. «Например, вместо того, чтобы воспринимать деторождение как насильственное производство, мы видим в нем «природный», «биологический» процесс, забывая о том, что в наших обществах рождения планируются» [3, с. 29].

Критики женского освободительного движения обвиняли лесбиянок в том, что они не настоящие женщины. Но и в этом обвинении для радикальных феминисток просматривается уже что-то вроде тени победы. Женщина - это не то, что само собой подразумевается, поскольку, чтобы быть ею, надо быть «настоящей». Лесбиянка вынуждена быть чем-то другим, не-женщиной, не-мужчиной, продуктом общества. Моника Виттиг идет еще дальше, она рассуждает о двусмысленности самого термина «феминистка». Данный термин определяет тех, кто борется за женщин. Но для радикальных феминисток это борьба за женщин как класс и одновременно это борьба за исчезновение данного класса. Для противоположно настроенных феминисток эссенциалистского толка (например, К.П. Эстес, 2000) - эта борьба должна стать возвращением вспять, к истокам, к мифу о Прекрасной, Настоящей, Дикой, Природной, Первозданной женщине. Здесь феминистка - та, которая борется за женщину и в ее защиту. М. Виттиг резко критикует эту идею «феминизма различия», называя интерес к женскому (письму, уму и т.д.) «навязанной друговостью», состоянием «гордости отличия». В работе «Точка зрения: универсальная или индивидуальная?» она насмешливо называет женское письмо «природной женской секрецией». Однако и радикальные лесбиянки вынуждены называть себя феминистками. Необходимость этого самоопределения автор эссе объясняет исключительно желанием подчеркнуть политическую связь с феминистским движением прошлого.

Луиза Тэркотт, комментатор идей Моники Виттиг, отмечает, что «с начала XX века вся женская борьба, от защиты «прав женщин» до феминистского анализа «угнетения женщин)) приняла за основу «точку зрения женщин». Это было само собой разумеющимся. Этот критический подход совершенствовался, но никогда не подвергалась сомнению общая базовая позиция. В любом случае, она казалась неопровержимой» [4, с. 8]. Уточним еще раз особенность этой фундаментальной позиции - это представление о наличие особой женской сущности (другими словами, это эссенциалистский взгляд на природу пола). Поэтому утверждение Виттиг о том, что «лесбиянки - не женщины» могло нанести серьезный теоретический и политический урон всему женскому движению и феминистской традиции в целом.

Каковы же тогда цели женского освободительного движения в такой радикальной перспективе, которую предлагает М, Виттиг? Одна из целей - подавить мужчин как класс, но не посредством геноцида, а политическими средствами. Как только исчезнет класс «мужчин», «женщины» как класс тоже исчезнут, поскольку не существует рабов без хозяев. Она настаивает на необходимости различать «женщин» как класс, за который мы боремся и в который мы входим, и «женщину» как миф, Ибо «женщина» не существует: она всего лишь воображаемое творение, тогда как «женщины» это продукт социальных отношений. Вторая цель этого движения в том, что мы, и мужчины и женщины, должны стать индивидуальными субъектами нашей истории. Для обоснования своей критической политической позиции современная французская исследовательница активно использует феминистски проинтерпретированную методологию К. Маркса. У нее пролетариат, класс угнетенных, тождественен женщинам, а буржуазия, класс угнетателей, - мужчинам. Между этими «половыми классами» существуют антагонистические (непримиримые) противоречия, разрешение которых возможно лишь в результате радикального, революционного действия. Процесс разрушения прежних отношений включает в себя двойное действие: уничтожение себя как класса женщин и уничтожение себя как философской категории «женщина».

Итак, главные цели радикального женского движения: уничтожение гетеросексуального политического режима; устранение категорий «мужчина» и «женщина»; отказ от термина «гендер», так как он маскирует систему угнетения, пытаясь описывать социальные отношения мужчин и женщин. Радикальная феминистская теория требует политического действия не только по уничтожению понятия «женская природа», но и понятия «женщина вообще».

Однако в русле феминистского дискурса существуют и менее радикальные, более взвешенные точки зрения на категорию «женщина». Так, российская исследовательница Г. Брандт в работе «Природа женщины» разводит понятия «женская природа» и «женская идентичность». Рассуждая о феминистской

традиции, Г. Брандт пишет: «В феминизме речь идет не о смене половой иерархии, а о прорыве в новое мыслительное, лингвистическое, культурологическое пространство, где нет антиперсоналистической иерархической силовой установки, где не будет жестких предписаний типов поведения и свойств, характеризующих «мужское» и «женское», не будет стандартизированных представлений об «исконно-природном» предназначении пола» [5, с. 169]. Что же такое «природа женщины», насколько она отчетлива в современной культуре? По мысли Г. Брандт, «женское» в конце XX века стало абсолютно «неотчетливым», оно находится в состоянии трансформации, становления, причем, может быть, в начальных его стадиях. Так исследование способа бытия современной женщины одних авторов приводит к утверждению, что «женского» за пределами физиологии нс существовало никогда; других - что социально-историческая обусловленность «женского» и есть ее подлинная природа, вполне достойная реализации во всех сферах культурного пространства; третьи убеждены в том, что открытие подлинно «женского» в женщине еще впереди, что мы на пороге нового этапа истории, когда «разлученная» сама с собой женщина начинает «возвращаться» в себя, в свое тело, надеясь обрести ту подлинную (а не сконструированную маскулинным обществом) женственность, которая способна непредсказуемо обогатить жизнь человека, изменить конфигурацию его существования.

Думается, что третья идея наиболее эвристична. Она, впрочем, как и вторая концепция, находит свое современное выражение в гендерных исследованиях, которые выросли из феминистского подхода в конце XX века, но одновременно стали и способом его преодоления, так как более многослойны и мозаичны. Выдвижение гендера в качестве категории анализа социально-культурных, политических, экономических и образовательных проблем позволило сегодня расширить исследовательскую повестку дня [6]. Новое направление ставит новые вопросы:

1) как гендер соотносится с анатомическими половыми различиями мужчин и женщин;

2) как гендерные отношения конституируются и поддерживаются в человеке и обществе;

3) как они соотносятся с другими видами социальных отношений (класс, раса);

4) каковы причины трансформации гендерных отношений в обществе, что делают или могут сделать в этом направлении институты образования и воспитания;

5) каковы взаимоотношения между формами сексуальности и гендерными отношениями;

6) существует ли только два пола, и соответственно только два гендера, или их больше;

7) каковы соотношения между формами мужского доминирования и гендерными отношениями;

8) будет ли актуален вопрос о гендерных отношениях в будущих обществах и будут ли эти общества и отношения эгалитарными;

9) существует ли отличие мужского и женского способа мышления, обучения и воспитания;

10) если есть эти различия, то являются ли они врожденными или приобретенными;

И) являются ли гендерные различия социально полезными и необходимыми;

12) если да, то каковы последствия этого для феминистской цели достижения «гендерной справедливости».

В результате решения этих вопросов возникает некий «мозаичный гендерный ковер», сотканный усилиями многих специалистов в области социально-гуманитарных наук, которые активно сегодня занимаются гендерными исследованиями.

Они обнаруживают и то, что гендер обусловливается не только современными экономическими, политическими и социальными структурами, но и его предыдущей историей, его прошлым. «Без исторического подхода к гендеру у нас никогда не будет надежды полностью понять его» (7J. Через культурные мифы прошлого мы можем лучше понять наше настоящее и его возможные варианты в будущем. К примеру, славянские мифы и сказки содержат информацию о сложных и неоднозначных гендерных взаимоотношениях героев и героинь, описывают разнообразные модели гендерных славянских идентичностей, прослеживают различные представления о женском и мужском в культуре. Об этом неоднократно писали русские философы. Например, Василий Розанов так описывал «женские» переживания русских: «Русский народ не чувствует себя мужем, он всё невестится, чувствует себя женщиной перед колоссом государственности» [8, с. 189], В данном контексте женственность - это безволие, покорность, желание побыть вблизи кого-то сильного, вблизи мужчины. Но опыт русской народной сказки усложняет отношение между женским и мужским феноменами славянской ментальности, В них женское чаше выступает в традиционном мужском обличье силы, разума, опоры, а мужское - пассивно и нацелено исключительно на чудесное решение сложных проблем. Российский филолог В, Мильдон любопытно интерпретирует традиционное окончание русских сказок - «и я там был, мёд, пиво пил, по усам текло, а в ро г не попало». «Это метафора сказочной мужицкой натуры - всё у него вскользь, неглубоко, без каких-либо серьезных последствий» [9].

В сказках мы встречаем несколько моделей гендерных идентичностей: одномерную, бинарную и многомерную (или андрогинную). Наиболее интересна андрогинная идентичность, которая воплощается в образах Василисы Прекрасной, Бабы-Яги и Ивана-Дурака. С одной стороны, мужские и женские качества здесь абсолютно противопоставляются, они бинарны. Свойствами женского мифологического являются ум, деятельность (творение либо разрушение), забота, жалость, снисхождение (даже у такого отрицательного женского персонажа, как Баба-Яга), Свойства мужского мифологического - удача, пассивность, хвастовство, забывчивость, вследствие чего - безответственность. Мужчина в русских сказках часто ведет себя как дитя, а женщина как мать, его опекающая, В западной культурной парадигме Василиса-Прекрасная была бы символом мужественности, а Иванушка-Дурачок - женственности. Однако существует и оборотная сторона этих образов, их двойственность, андрогинность. Василиса-Прекрасная не кичится своими чудесными способностями, не выпячивает их, не упрекает, не «пилит» мужа за его нерасторопность. Она скромна и мудра, является воплощением женственности и одновременно мужественности в русской культуре. Даже Баба-Яга, персонаж устрашающий, не всегда употребляет в пищу своих гостей, но чаще парит в баньке, кормит, поит, спать укладывает, да поутру еще и снабжает чудесными предметами для успешного решения трудных задач. Не так прост и Иван-Дурак. Он действует по принципу «авось да небось», по принципу -- «чего ты не добиваешься, то само к тебе приходит». Это логика удачи, т.е. успеха наоборот. Он ничего не знает, он ничего не имеет, поэтому ему нечего терять. «Дурак» демонстрирует другой способ мышления и жизни - «дурацкий», образный, парадоксальный. Он нарушает принятый ритуал, этикет, следуя естественности. Такой русский Лао-цзы. Он надеется не на успех, а на удачу. Следовательно, особенностью гендерных идентичностей, репрезентированных в русских сказках, является их многослойность, нелинейность, андрогинность. Вершина такого гармоничного слияния мужского и женского начала в сказке воплощается как раз в образе «дурака», в котором антиномично сочетается «дурость» и «мудрость», «мужское» и «женское». Думается, что одна из наиболее важных составляющих славянской ментальности - отсутствие прагматизма, которое часто помогает успешному решению женщинами и мужчинами не только тактических, но и стратегических задач. Присутствуют ли в нашей жизни отголоски этих идентичностей, их архетипические черты? На этот счет в научно-популярной литературе, в современных средствах массовой информации возникают различные типологии мужчин и женщин постсоветской эпохи, некоторые из них отсылают нас к сказочным и мифологическим персонажам как западным, так и славянским. Это, например, Золушка и Золушок (мужской вариант встречается в современной литературной- и кинопродукции так же часто, как и традиционно-женский, например российский сериал «Остановка по требованию»); Волк и Красная шапочка; Василиса-Прекрасная и Иван-Дурак (возможны варианты).

Эти гендерные стратегии реализуются сегодня не только в практике гендерной социализации, но и в процессе обучения, гендерного образования. Однако цели и средства гендерного образования мальчиков и девочек могут быть сформулированы разными исследователями абсолютно противоположным образом в зависимости от реализации ими релятивной либо консервативной модели гендерного образовательного процесса и понимания сути гендерной идентичности. Особенность каждой из этих моделей находит свое выражение в использовании установок эссенциализма или антиэссенциализма *. В этой связи одной из главных проблем становится вопрос интерпретации женского (феминного) и мужского (маскулинного) в культуре. Являются ли они сущностными характеристиками двух противоположных полов/гендеров или это лишь фантомы, результаты эффекта восприятия и самовосприятия? В первом случае может быть реализована ***идея «правильной гендерной ориентации себя в мире».*** Цель преподавателя - научить мальчиков и девочек, юношей и девушек быть ***«настоящими мужчинами» и «настоящими женщинами»,*** тем самым успешно встроить их в систему социально-культурных отношений, где они будут вести себя как компетентные мужчины и женщины. Во взором случае мы попадаем, если выразиться образно, в мир Алисы в стране чудес. Целью такого гендерного образования является обучение ***сомнению*** в своем половом/гендерном самоосознании; привитие навыков критического анализа гендерных стереотипов как на уровне теоретического сознания (мифология, религия, идеология, философия), так и на уровне сознания обыденного; экспериментирование со своими гендерными идентичностями и т.п. Главной идеей здесь становится мысль ***о социально-культурной детерминированности полоролевых моделей поведения.***

Такая позиция содержит определенные противоречия, назовем их «гендерными шероховатостями». Гендерное образование, как ни парадоксально это звучит, в этой интерпретации может стать обра-

* Эссенциализм - это философская парадигма, признающая наличие сущностных характеристик бытия; антюссенциализм - парадигма, отрицающая наличие таких сущност ных характеристик.

зованием «бесполым» или «надполовым», так как говорить о формировании и образовании «настоящих мужчин» и «настоящих женщин», с точки зрения феминистского дискурса, это сексизм (унижение по признаку пола) и половая сегрегация. Есть и другая сторона медали - это самосбывающиеся прогнозы, которые реально могут приблизить наступление времени «абсолютно размытой пологендерной идентичности». Таким образом, в антиэссенциалистской модели гендерное образование - это получение и приращение знаний о перспективах равенства полов в экономической, социальной и политической сферах путем критики субординации полов в пирамиде власть - подчинение. В этом мы видим позитивные моменты, однако присутствуют и моменты отрицательные, выражающиеся в идее релятивности (относительности) половых различий. По-видимому, гендерное образование, как и любое другое, не должно быть ни релятивным, ни догматичным; оно «в снятом виде» может содержать опыт предков, опыт традиций национальной культуры, но не избегать инноваций, которые в свою очередь также необходимо просеивать через «культурное сито».

Итак, в русле гендерных исследований термин «феминное» изменил свое содержание и стал использоваться сегодня для обозначения нового подхода к феномену идентичности, предполагающего множество конкретных решений. «Женское» может восприниматься не как альтернатива «мужскому», а как отказ от альтернативности вообще (Г. Брандт, 2000). Но это может быть новый способ конструирования феминной идентичности, путем создания андрогинной модели (О.И. Чеснокова, 2004). Это связано с появлением концепта - «третья женщина», который соединяет в себе несоединимое, так как в нем женщина предстает одновременно радикально изменяющейся и возобновляющейся в своем постоянстве. В современном белорусском обществе только начинаются процессы становление новой женской идентичности, впрочем как и процессы их осмысления в области гендерных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хозяева Н. Становление культуры формирования новой женской идентичности // Женщина. Образование. Демократия: Материалы 5-й между нар. междиспипл. науч.-практ, конф., Минск. 6-7 декабря 2002 г. - Мн., 2003. - С. 12- 105.
2. Виттиг М. Категория пола / М. Витгиг. Прямое мышление и другие эссе: Пер с англ. О. Липовской. - М., 2002.
3. Виттиг М, Женщиной не рождаются / М. Виттиг. Прямое мышление и другие эссе: Перевод с англ. О. Липовской, - М., 2002.
4. Тэркотт Л. Другая точка зрения. Предисловие / В. Моника. Прямое мышление и другие эссе: Пер. с англ. О. Липовской. - М., 2002.
5. Брандт Г. Природа женщины. - Екатеринбург, 2000.
6. Чикалова И.Р. Женские и гендерные исследования и их субдисциплины. Женская и гендерная история *И* Женщина. Образование. Демократия // Материалы 4-й междунар. междисципл. науч. практ. конф., Минск, 6-7 декабря 2002 г. - Мн., 2002. - С. 419 - 420.
7. Оукин С.М. Гендер: публичное и приватное http://www.gender.ru/russian/training/mcgi/basesofgenstud/2004/topic04/05.shtml
8. Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. - М., 1992,
9. Мильдон В.И. «Сказка-ложь...» (вечно женственное на русской земле) // Вопросы философии. - № 5 , - 2001.-С. 132 - 148.